

Глава 80. Шесть искусств благородного мужа

Выслушав слова Чу Цы, Чэнь Цзыфан выпрямился, сидя на лежанке.

Он протёр лицо ладонями, пытаясь придать себе менее жалкий вид. Прежде юноша никому не рассказывал об этом, и теперь, выговорившись, почувствовал огромное облегчение.

— Брат Чу, спасибо тебе.

— За что благодарить? Человек не может выбрать, где ему родиться, но он вправе решать, какой дорогой идти дальше! Брат Чэнь, ты не должен позволять ему помыкать собой. Если он и дальше будет упорствовать в своей клевете, мы не останемся в стороне!

— Вот именно! — Цзян Хуай решительно толкнул дверь и вошёл в комнату. Он задержался, желая задать какой-то вопрос, но, подойдя ближе, услышал голос Чэнь Цзыфана. Он хотел было уйти, чтобы не мешать, но, разобрав первые несколько фраз, так разгневался, что остался и дослушал всё до конца.

Чэнь Цзыфан смутился, но, видя искреннее участие во взгляде Цзяна, с облегчением вздохнул.

— Брат Чэнь, ты должен воспрянуть духом! Он запрещает тебе участвовать — так ты просто обязан это сделать! И не просто участвовать, а выступить так блестяще, чтобы все эти люди лопнули от злости! — выпалил на одном дыхании Цзян Хуай всё, что так долго кипело у него внутри.

— Ха-ха, брат Цзян, с каких это пор ты заговорил, как почтенный брат Кочжи? — рассмеялся Чу Цы.

Собеседник задумался и признал, что сейчас и впрямь был похож на Чжан Вэньхая.

— Иногда нужно высказаться прямо, как брат Чжан, чтобы на душе полегчало.

— Верно. Будь он здесь, уже, наверное, подыскивал бы камень поувесистее, чтобы запустить в твоего братца.

Все рассмеялись.

Чэнь Цзыфан почувствовал, как напряжение отпускает его. Эти друзья не стали презирать его из-за того, что он — сын наложницы. Так ли важны тогда слова посторонних? Он столько времени терзался из-за этого, а ведь всё было бессмысленно.

— А вкус у этих пирожных всё тот же — сладкий и ароматный. Я думал, что все мои воспоминания об учёбе здесь серые и мрачные, но, оказывается, были и светлые мгновения.

— Вот именно, — кивнул Чу Цы. — Во всём нужно стараться видеть хорошую сторону.

На следующий день учитель Чжоу и тот самый наставник Хуан вернулись с собрания и объявили трём ученикам правила предстоящего литературного состязания.

Правила менялись каждый год. На этот раз темой были избраны Шесть искусств благородного мужа: ритуал, музыка, стрельба из лука, управление колесницей, каллиграфия и счёт. Каждому из трёх участников предстояло выбрать по две дисциплины.

Чу Цы заговорил первым:

— Вы знаете, что я с детства рос в бедности. Не то что ездить верхом или стрелять из лука — я и видел-то это всего несколько раз. Так что эти два искусства я доверю вам, мне они совершенно не по силам.

Все с пониманием отнеслись к столь прямодушному признанию. На самом деле Чу умел ездить верхом — в прошлом он бывал с друзьями на конюшне, — но это умение ограничивалось неспешной прогулкой по кругу. Выполнять на скаку какие-либо трюки или тем более управлять повозкой он не мог.

— Я изучал управление колесницей, — сказал Чэнь Цзыфан, — так что могу взяться за это. А вот стрельба...

— Стрельбу я возьму на себя, — вмешался Цзян Хуай. — Мой прадед был из семьи военных, и у нас в роду этому всегда придавали большое значение. Все потомки семьи Цзян обязаны обучаться этому искусству. Не скажу, что владею им в совершенстве, но, думаю, в грязь лицом не ударю.

— Хорошо. Итак, брат Чэнь выбрал управление колесницей, Цзян — стрельбу. Тогда я, пожалуй, выберу счёт. — В остальных дисциплинах Чу не был так уверен, но в математике, скорее всего, мог превзойти многих.

— Остаются ритуал, музыка и каллиграфия. Я изучаю «Книгу ритуалов», так что, пожалуй, возьму на себя ритуал, — предложил Чэнь Цзыфан.

— А я с трёх лет упражняюсь в каллиграфии и знаком с почерками разных мастеров. Беру её, — поспешно добавил Цзян Хуай.

Чу Цы молчал. Не мог же он признаться, что не хочет выбирать музыку? В двух других искусствах он уступал своим товарищам. Похоже, у него не оставалось выбора.

— Хе-хе, брат Чу, не переживай ты так, — усмехнулся Цзян Хуай. — Ты посмотри, как хорошо у тебя получается гимнастика «Уциньси», и телом ты гибок. За несколько дней наверняка сумеешь разучить танцы «Да Шао» и «Да У».

— Хе-хе, — сухо усмехнулся Чу Цы. Стоило ли радоваться, что из шести ритуальных танцев до наших дней дошли только два?

Учитель Чжоу, убедившись, что все трое сделали свой выбор, записал их имена на бумаге, чтобы передать список организаторам. После утверждения изменить его было уже нельзя.

Состязания должны были продлиться три дня, а порядок дисциплин определялся жребием. В первый день — каллиграфия и ритуал, во второй — стрельба из лука и управление колесницей, в третий — музыка и счёт. Чу Цы не повезло: оба его выхода выпали на последний день.

Сегодня лишь утверждали списки и правила, так что, в отличие от наставников, у юношей дел не было.

После полудня все трое отправились гулять по территории окружного училища. Зелёная черепица, алые карнизы, извилистые галереи, резные балки и расписные колонны — всё вокруг радовало глаз своей изысканной красотой.

Видя, с каким неподдельным интересом Чу разглядывает окрестности, двое его спутников тоже заразились его настроением, и неспешная прогулка доставляла им особое удовольствие.

Воспитанники окружного училища обычно держались высокомерно. Чу Цы и его друзья не искали с ними сближения и старались держаться поодаль. Редкий обмен вежливыми поклонами был пределом их общения.

— Ц-ц, да это же Чэнь Цзыфан! Какими судьбами ты вернулся в училище? Я до сих пор не могу забыть, как ты выглядел, словно побитая собака. Ха-ха! — Навстречу им шли двое студентов. Они уже собирались пройти мимо, но, приглядевшись, узнали в одном из троих «старого знакомого» и с ехидным любопытством остановились.

Чэнь Цзыфан побледнел и уже хотел было ответить, но Чу Цы удержал приятеля за рукав. Не удостоив насмешников даже взглядом, он повернулся к Цзян Хуаю и спутнику и громко посетовал:

— Эх, я-то полагал, что ученики окружного училища превосходят прочих и нравами, и познаниями. Какое разочарование видеть подобное.

Улыбка сошла с лица одного из преградивших путь.

— Что ты имеешь в виду?

— Неужто вы и слов не понимаете? — на лице Чу Цы отразилось такое неподдельное изумление, что его собеседники на мгновение растерялись, не зная, вопрос это или насмешка.

— Да что ты опять имеешь в виду?!

— Вы что, какая-то птица-повторюшка? Всё одно и то же, одно и то же.

— Как ты смеешь сравнивать меня с какой-то презренной тварью?! — побагровел Янь Сю. Хотя он и не знал значения этого странного слова, по созвучию оно напомнило ему нечто «поганое» и «ядовитое», и он не сомневался, что его оскорбляют!

— Птица неразумна, и её невежество простительно. Но вы, будучи человеком, отчего же не знаете правил приличия? Брат Чэнь уже прошел обряд увенчания шапкой и получил взрослое имя. Лишь старшие вправе называть его по личному имени. По какому праву вы обращаетесь к нему так при первой же встрече?

Янь Сю холодно усмехнулся:

— Он — человек низких повадок, умеющий лишь петухом кричать да по-собачьи воровать, какое ему взрослое имя? Он не заслуживает, чтобы к нему обращались с почтением!

— У вас есть доказательства? Указ властей? Или, может, заверенное печатью постановление главы академии? Если нет, то это клевета. А по законам Великой Вэй, клеветник наказывается тем же, в чём он клеветал! Остерегайтесь, как бы нам не пришлось отправиться в ямэнь и обвинить в воровстве уже вас!

— Ты! Деревенщина, что ты о себе возомнил?!

— Я живу в деревне, но читаю книги мудрецов и воспитан в уважении к ритуалу. Вы же живёте в шумном городе, но переняли лишь брань и повадки уличной черни. Ещё неизвестно, кто из нас не ведаёт, что говорит!

В словесных баталиях Чу Цы не боялся никого. Его ум был остёр, а знания обширны. Эти двое были ему не ровня.

Цзян Хуай и Чэнь Цзыфан, прикрыв рты ладонями, с трудом сдерживали смех. Видеть, как их оппоненты побагровели от гнева, не в силах вымолвить и слова в ответ, было истинным наслаждением.

<http://bllate.org/book/15354/1439558>